

Света Калнина

Невидимые

Света Калнина Невидимые

<https://litres.ru/74635269>

SelfPub; 2026

Аннотация

В селе Овражки конца 1930х годов смерть тихого, незаметного Тимофея вскрывает общее равнодушие — привычку не замечать тех, кто не кричит о своей беде. Лида, отец Михаил и председатель Иван Петрович по-разному пытаются вернуть людям способность видеть друг друга: собирают добрые слова о потерянных, устраивают тихий вечер памяти, вешают дощечку у колодца для просьб и помощи. В тяжёлые, полные страха годы человечность держится на скромных делах — починенной крыше, краюхе хлеба, одном добром слове. История о том, как память и забота становятся тихим сопротивлением злу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Невидимые

Глава 1

Село Овражки будто нарочно пряталось от мира. Дорога сюда шла не по карте, а по памяти: сперва по шоссе, где ветер гонял по асфальту сухие листья и обрывки газет, потом по грунтовке, которая с каждым километром становилась всё тише, будто сама земля не хотела лишнего шума. В конце концов дорога просто растворялась в высокой траве, и дальше шли пешком, обходя лужи, затянутые ряской, и старые, давно брошенные тележные колёса, торчавшие из земли, как ржавые зубы.

Отец Михаил не любил вспоминать, как сюда попал. В епархии сказали: «Там нужен пастырь», и он кивнул, потому что не умел отказывать, когда просили тихо и без пафоса. Теперь он знал: в таких местах слово «нужен» означало не «рады видеть», а «кто-то должен быть, чтобы не стало совсем пусто».

Дом, который ему выделили, стоял на отшибе, у самого края оврага. Это был не дом даже, а его тень: брёвна потемнели от дождей, крыша просела, а окна смотрели на мир так, будто давно смирились с тем, что никто не собирается их мыть. Внутри пахло сыростью, старым деревом и чем-то ещё — чем-то, что отец Михаил сперва не мог определить, а по-

том понял: это был запах долгого молчания. В таких домах не кричат, не смеются громко, не хлопают дверьми. Здесь даже шаги старались делать тише, чтобы не разбудить прошлое.

Каждое утро начиналось одинаково. Отец Михаил зажигал лампадку перед иконой Николая Чудотворца — той самой, которую принесла старуха Агафья. Икона потемнела от времени, и лики на ней угадывались не сразу, а как будто проступали сквозь туман: сперва глаза, потом складки плаща, потом едва заметная линия губ, будто святой всё ещё хотел что-то сказать, но уже не мог.

Потом он выходил на крыльцо. Утро в Овражках было не временем суток, а состоянием: оно висело в воздухе, густое и тяжёлое, как пар над остывающей землёй. Туман не был волшебным — он был обычным, сырым, въедающимся в одежду и волосы. Он стелился по низинам, цеплялся за кусты, прятал тропы и делал так, что даже знакомые места казались чужими. В этом тумане не было ничего сверхъестественного — только правда, которую не хотелось видеть при ярком свете: покосившиеся заборы, пустые рамы окон, следы чьих-то старых сапог, которые никто не собирался стирать.

В тот день, когда всё будто сдвинулось с мёртвой точки, отец Михаил вышел на крыльцо и увидел, что туман не спешит рассеиваться. Он лежал на земле плотным слоем, и в нём не было ни красоты, ни загадки — только усталость. Из тумана доносились обычные звуки, которые в тишине стано-

вились громче: скрип калитки у дома председателя, чей-то кашель, далёкий гудок паровоза, который звучал так, будто шёл не по рельсам, а прямо по нервам.

Он спустился по ступеням, чувствуя, как доски прогибаются под ногами, и пошёл к оврагу. Там, на самом краю, где земля осыпалась мелкими камешками, он остановился. Отсюда было видно всё село: крыши, покрытые шифером и ржавым железом, покосившийся сарай, колодец с покоробленным срубом, и дальше — поля, которые уже не пахали, а просто терпели, как терпели всё остальное.

И тут он услышал голоса. Не шёпот духов, не эхо памяти, а самые обычные голоса — женские, усталые, с той интонацией, которую отец Михаил знал слишком хорошо: когда говорят не для того, чтобы что-то сообщить, а чтобы не сойти с ума от тишины.

— Да куда ему столько хлеба-то? — говорила одна женщина, голос её дрожал от раздражения и усталости. — У него рот, что ли, бездонный? — А ты не считай, — ответила другая, спокойнее, но в её спокойствии чувствовалась тяжесть, накопленная годами. — Считанье до добра не доводит.

Они стояли у колодца, не видя отца Михаила, скрытого туманом. Для них он был не священником, не утешителем, а ещё одной тенью среди других теней.

Он хотел подойти, поздороваться, спросить, как дела, но слова застряли где-то в горле. Он вдруг понял, что в этом селе не ждут утешений. Здесь не хотели слышать про вечную

жизнь, про милосердие, про то, что всё будет хорошо. Здесь хотели, чтобы кто-то просто признал: да, тяжело, да, несправедливо, да, время проклятое — не потому что на нём лежит заклятие, а потому что оно ломает людей, не спрашивая их согласия.

Когда туман наконец начал рассеиваться, на траве остались капли воды, тяжёлые и холодные, как слёзы. Отец Михаил наклонился и коснулся одной капли кончиком пальца. Она была просто водой — ни знамения, ни чуда. Просто вода, которая выпала из воздуха, потому что воздух больше не мог её держать.

В тот же день к нему пришла Марфа, жена председателя. Она не стала заходить в дом, остановилась на пороге, держа в руках узелок.

— Вот, принесла немного, — сказала она, протягивая узелок. — Хлеб, картошка, соль. Не бог весть что, но... Она не договорила. Ей не нужно было договаривать.

Отец Михаил взял узелок, чувствуя, какой он лёгкий, почти невесомый, и от этого стало ещё тяжелее.

— Спасибо, — сказал он. — Но мне не нужно...

Марфа посмотрела на него прямо, без улыбки, без жалости — просто с той усталостью, которая бывает у людей, привыкших делать то, что нужно, даже если это больно.

— Здесь не принято отказываться, — сказала она. — Если откажешься, значит, считаешь, что тебе не по пути с нами. А ты ведь хочешь быть с нами, правда?

Он кивнул, потому что не знал, что ещё сделать.

— Тогда бери. И... не говори нам про рай. Не сейчас. Сейчас нам бы день прожить.

Она повернулась и пошла прочь, ступая по мокрой траве, и её следы быстро наполнялись водой, будто земля хотела их стереть.

Отец Михаил остался стоять на пороге, с узелком в руках, и смотрел, как туман уходит, обнажая то, что он прятал: покосившиеся заборы, пустые окна, кривые тропинки, по которым ходили люди, не ожидавшие от жизни ничего хорошего. И он понял, что его задача здесь — не творить чудеса и не прогонять тьму молитвой. Его задача была в том, чтобы стоять на этом пороге и видеть всё это, не отводя глаз. Чтобы быть свидетелем того, как люди держатся за жизнь, когда держаться почти не за что.

Глава 2

Сперва это были не слова, а взгляды — длинные, оценивающие, будто люди пытались разглядеть в отце Михаиле что-то, чего не видели раньше. Потом пошли короткие фразы, брошенные вполголоса у колодца, в сенях, на краю поля, где женщины собирали крапиву на щи.

— Видали, опять к Агафье ходил? Старуха-то у нас известная: поминать любит, а это нынче не по правилам... — А он слушает. Стоит, голову склонит, будто каждое слово в тетрадь записывает. — Не к добру это. Память — она как зола: тронешь — дым пойдёт.

Эти обрывки долетали до отца Михаила не сразу. Он сперва думал, что ему мерещится, что это просто привычная настороженность села к чужому человеку. Но потом понял: настороженность сменилась подозрением. И самое горькое было в том, что никто не говорил с ним прямо. С ним вежливо здоровались, уступали дорогу, даже приносили что-нибудь из еды — но делали это так, будто исполняли долг, который давно перестал быть радос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.